

Небо над особняком сгустилось до тревожного тёмно-фиолетового цвета. Грозовые облака клубились над крышей, заслоняя звёзды, словно весь свет в этом мире внезапно погас.

В эти десять мучительно долгих минут ожидания Фу Гэ неожиданно вспомнил одно давнее событие.

Когда они с Ци Ханем только начали встречаться, в городе случилось громкое ограбление с убийством: преступники взяли кого-то в заложники. Тогда Ци Хань, серьёзно глядя ему в глаза, настоял на правилах безопасности: «Если вдруг меня захватят, я сделаю всё, чтобы дать тебе знак. Ты должен немедленно убегать, бежать к людям, к полиции. Запомни, нельзя поворачиваться назад и нельзя плакать. Если ослушаешься и вернёшься, я с тобой строго разберусь».

Фу Гэ тогда спросил его: «А если захватят меня? Что будешь делать ты?»

Ци Хань коротко взглянул на него и ответил без малейшего колебания: «Я сразу пойму это по твоим глазам и выражению лица. И не важно, насколько ты будешь далеко или близко, я узнаю о твоём страхе даже в кромешной темноте».

Возможно, уже тогда Ци Хань изучил каждую малейшую деталь его эмоций и движений. Именно поэтому сейчас ему хватило одного едва различимого силуэта, утонувшего в тени, чтобы распознать страх и отчаяние, охватившие Фу Гэ.

Пока Ци Хань поднимался наверх, охранник медленно вышел из дома. Он осторожно, пятясь спиной вперёд, тащил за собой тяжёлый ящик с картиной, больше напоминающий гроб. Лицо его выражало крайнее напряжение, а руки слегка дрожали от усилий.

Фу Гэ встревоженно взглянул на него, чувствуя, как внутри всё леденеет от предчувствия беды. Его взгляд вдруг зацепился за небольшую наклейку с медвежонком, случайно приклеившуюся к подошве ботинка этого человека.

«Он всё понял...»

— Быстрее там! — прикрикнул Лао Цин, сжимая Фу Гэ за плечо. Тот дёрнулся, нервно пытаясь отвлечь внимание похитителя:

— Эта картина... да, ладно... в следующий раз заберу, уже нет времени...

— Нет, я не люблю откладывать, — спокойно бросил Ци Хань, мельком взглянув вниз. — Подожди ещё немного.

Фу Гэ охватила паника:

— Нельзя! Я правда уже опаздываю...

— Фу Гэ, — резко и холодно перебил его Ци Хань. — Я сказал, жди.

Альфа поднялся на второй этаж, даже не оглянувшись. Когда он исчез, Лао Цин со всей силы ударил Фу Гэ в живот и злобно прошипел:

— Если с моим человеком что-то случится, я отправлю тебя и твоего щенка следом!

Фу Гэ прикусил губу до крови, не позволяя боли вырваться наружу, лишь продолжал смотреть вслед удаляющемуся силуэту Ци Ханя, не в силах сказать ни слова.

Поднявшись наверх, Ци Хань равнодушно дождался охранника. Тот сжимал пистолет в кармане, нервно утирая пот со лба, и тихо подгонял его:

— Поторопись, господин спешит.

Ци Хань никак не реагировал на его нервозность и неторопливо бродил по комнате. Когда терпение охранника почти иссякло, он резко шагнул внутрь, раздражённо спросив:

— Ну что там, нашёл?

Ци Хань медленно повернулся, холодно усмехнулся и ответил:

— Нашёл.

□

Внизу ситуация стала ещё напряжённее. Лао Цин внезапно почувствовал неладное, судорожно приставил оружие к пояснице Фу Гэ и прошипел:

— Если моему человеку хоть что-то грозит, я размажу тебе и твоему сыну мозги по стене!

Фу Гэ едва заметно вздрогнул, сердце билось, словно сумасшедшее, однако лицо оставалось неподвижным.

□

Из лифта тем временем вышел охранник, таща за собой огромную картину. Он неестественно пригнулся, с трудом передвигаясь назад, словно боялся взглянуть на окружающих его людей.

Подошва его обуви на мгновение мелькнула в свете фонаря, и Фу Гэ заметил ту самую маленькую наклейку с мишкой — знак, означавший, что всё пошло не так, как надо.

Его сердце упало в пропасть, но сделать что-либо было уже поздно. Охранник, подошедший проверить ящик, замер на месте, заметив, что нижняя часть коробки уже насквозь пропиталась кровью. Он ещё не успел открыть рот, когда мнимый «охранник» рядом с ним спокойно повернул голову и бесстрастно приказал:

— Всем на пол!

Почти одновременно Фу Гэ изо всех сил ударил Лао Цина и, схватив сына, рухнул с ним на землю. За какие-то доли секунды Ци Хань открыл огонь, и выстрелы эхом разлетелись по ночному воздуху. Два человека, прожившие в разлуке пять лет, сработали так слаженно, словно никогда и не расставались.

В этой смертельной игре, где цена была слишком высока, им не нужно было обмениваться ни единым словом, чтобы понять друг друга.

Звонкие выстрелы разорвали ночную тишину, и пространство мгновенно наполнилось свистом пуль, резкими вспышками огня и запахом сгоревшего пороха. Пули со свистом пронзали тела, из ран с короткими глухими звуками вырывались кровавые брызги, окрашивая воздух алым туманом.

Четко уловив момент, Фу Гэ сорвал с себя галстук и изо всех сил обмотал его вокруг шеи сидящего за рулём преступника, отчаянно пытаясь задушить его и вытащить наружу. Он рывком открыл дверцу машины, усадил ребёнка внутрь, уже готовясь самому вскочить за руль, но не успел сделать и шага — другой противник с разъярённым воплем швырнул в его сторону тяжёлую металлическую канистру:

— Сдохни, маленькая сука!

— Фу Гэ! — в ужасе крикнул Ци Хань и сорвался с места, стремительно бросившись навстречу. Оттолкнувшись от колена подоспевшего охранника, альфа одним мощным прыжком пересёк пространство и оказался рядом с Фу Гэ за долю секунды до смертельного удара.

Громкий хруст переломанных костей эхом разнёсся в воздухе, когда он схватил нападавшего за голову и одним жестоким движением свернул тому шею. Всё произошло так стремительно и чётко, что Фу Гэ даже не успел моргнуть, поражённо глядя на залитый кровью профиль Ци Ханя.

Впервые за долгое время он вновь отчётливо увидел его — не разбитого, не подавленного, не сломленного, а по-настоящему сильного человека. Высокая фигура альфы, его испачканное кровью, но решительное лицо, огромная сила, сконцентрированная в напряжённых, словно из стали вылитых мышцах — всё это, казалось, заново вылепило образ того Ци Ханя, которого Фу

Гэ когда-то полюбил всем сердцем.

— Садись быстрее! — Ци Хань, не теряя времени, крепко ухватил его за руку и рывком потянул в машину, одновременно подхватив с земли испуганного до смерти ребёнка. Едва они оказались внутри, как из-за спины внезапно выскочил Лао Цин и с яростным рычанием выдернул малыша из рук Ци Ханя обратно на улицу.

— Папа! Не бросай меня! — отчаянный, надрывный крик мальчика прорвался сквозь темноту,
— папочка!

— А-Цзюэ! Не бойся, я сейчас... — Фу Гэ в ужасе рванулся к ребёнку, но Ци Хань мгновенно схватил его за плечо и силой затолкал обратно в машину.

— Нам нужно уезжать! Сейчас же! Иначе мы все погибнем, — резко оборвал он.

Ци Хань понимал, что только чудом спас Фу Гэ от верной смерти, и сейчас был готов пожертвовать кем угодно, даже собой, но только не им. Пусть рушится весь мир, пусть гибнут все остальные, но Фу Гэ должен выжить во что бы то ни стало.

Он вдавил педаль газа в пол, и серебристый «Вольво», взвизгнув покрывками, рванул вперёд, прорезая ночной мрак, словно раскалённая звезда. Лишь спустя несколько секунд, убедившись, что они оторвались от преследователей, он швырнул Фу Гэ мобильный телефон:

— Звони Ци Чуаню или в полицию, как хочешь. Мы туда не вернёмся.

Фу Гэ задохнулся от ужаса:

— Нет... не успеем... Мы не успеем, это слишком долго! Они убьют его, они точно убьют А-Цзюэ... Пожалуйста, отпусти меня обратно...

Голос его сорвался, превратившись в жалкий шёпот, полный отчаяния:

— Я не могу оставить его одного... Умоляю, дай мне вернуться...

— Забудь! — жёстко оборвал его Ци Хань. — Я не позволю тебе умереть из-за какого-то постороннего ребёнка!

— Но он мой сын!

Резкий, визжащий звук тормозов разорвал тишину. Машину резко занесло, покрывки прочертили глубокий след на асфальте, и автомобиль резко остановился посреди дороги.

Сердце Ци Ханя бешено заколотилось, в голове, казалось, разом взорвался целый улей, оглушительно гудящий и жалящий.

— Твой сын?.. — глухо повторил он, чувствуя, как каждое слово раздирает горло изнутри. В голове вспыхнула боль, заглушая даже звон в ушах. — У тебя уже... есть ребёнок?

Но мальчику уже было пять или шесть... Значит, ты давно... Когда ты успел завести его с кем-то другим?..

Он мучительно молчал, пытаясь осознать услышанное. Затем медленно, словно что-то надломилось в груди, с трудом выдавил слова:

— Фу Гэ, выходит... ты правда так сильно меня ненавидишь...

Даже в имени* ребёнка он ясно услышал этот горький намёк: словно Фу Гэ использовал сына, чтобы навечно отречься от него.

Фу Гэ молча смотрел на него, а по щекам текли неостановимые слёзы. Его глаза покраснели, губы дрожали, а тело казалось хрупким и беспомощным, готовым рассыпаться от одного касания.

— Просто уходи... — слабым голосом прошептал он, опустив глаза. — Беги отсюда как можно дальше. Я должен... Я обязан спасти А-Цзюэ. Ему всего пять лет... он мой единственный близкий человек. Я не могу бросить его одного там. Они убьют его, замучают до смерти...

Голос его сорвался, растворяясь в отчаянном шёпоте, полном беспомощности и отчаяния.

Ци Хань замолчал и просто смотрел на охваченного ужасом Фу Гэ, не в силах отвести взгляд. Несколько секунд тянулись мучительно долго, затем на его лице внезапно мелькнула едва заметная улыбка.

— Я сам пойду.

Фу Гэ растерянно вскинул голову, не сразу понимая услышанное:

— Что?..

— Я верну тебе ребёнка, — тихо повторил Ци Хань. Его взгляд был абсолютно спокоен, но за этой спокойной гладью таилась бесконечная горечь. Протянув руку, испачканную в крови, он нежно коснулся уголка глаза Фу Гэ и мягко прошептал: — Чего ты боишься? Я же здесь.

Прежде чем Фу Гэ успел хоть как-то отреагировать, Ци Хань незаметно вытащил ключи, резко распахнул дверь машины и шагнул наружу. Раздался короткий звук блокировки замка, и Фу Гэ, встретившись с ним взглядом через стекло, внезапно почувствовал, как сердце его пропустило удар и рухнуло куда-то в пустоту.

— Ты куда?.. Назад! Ци Хань, немедленно вернись!

Он бросился к двери и начал исступлённо бить кулаками по стеклу, пытался выбить дверь плечом и локтем, хватался за всё, что попадалось под руку, но автомобиль оставался наглухо заперт.

Ци Хань прекрасно знал, что все окна в машине пуленепробиваемые. Он знал и то, что единственный способ спасти Фу Гэ — задержать этих людей как можно дольше, выиграть время до приезда Ци Чуаня.

— Стой! Не смей уходить! Ци Хань, вернись сюда, пожалуйста! — кричал Фу Гэ, бьющийся в истерике. Его голос уже сорвался, глаза горели безумной мольбой, он отчаянно стучал ногами в дверь, пока машина не начала сотрясаться вместе с ним.

Ци Хань молча подошёл к окну и осторожно приложил руку к стеклу. Фу Гэ мгновенно бросился навстречу и прижался к его ладони с другой стороны, словно через это холодное стекло мог передать ему своё тепло.

— Не уходи один! Там тебя ждут... Они убьют тебя, ты понимаешь?!

Ему даже не нужно было это объяснять. Он отлично понимал, что похитив ребёнка, Лао Цин намеренно загнал их в ловушку. Эти охотники за железами были безжалостными убийцами, готовыми на всё. Они не оставят Ци Ханя в живых: сначала вырвут его железу, потом будут издеваться и мучить его до последнего вздоха, и лишь затем — если ему повезёт — позволят умереть.

Но Ци Хань оставался совершенно спокойным. Он стоял неподвижно, пристально всматриваясь в лицо любимого человека, точно кот, который, почувствовав приближение смерти, хочет навсегда запечатлеть в памяти своего хозяина.

— Сяо Гэ... — тихо произнёс он, чувствуя, как сознание начинает уплывать. Высокий, словно непоколебимое дерево, он сейчас казался таким слабым и уязвимым, будто мог упасть от малейшего дуновения ветра. Единственным островком тепла осталась ладонь, прижатая к стеклу.

— Мне так хочется ещё раз обнять тебя... но я не смею...

От этих слов сердце Фу Гэ окончательно разорвалось на части, и слёзы неудержимо хлынули

наружу. Он отчаянно замотал головой, беспомощно и обречённо:

— Не уходи... прошу тебя... Не уходи... Это не твоя битва... Ты свободен, я отпускаю тебя... Я больше никогда не запру тебя...

Ци Хань лишь улыбнулся, нежно касаясь пальцем переносицы Фу Гэ через толстое пуленепробиваемое стекло. Сейчас это стекло стало непроницаемой стеной, разделяющей жизнь и смерть. Фу Гэ отчаянно плакал по одну сторону, а Ци Хань тихо шептал по другую:

— Малыш... ты всё ещё веришь мне?

Фу Гэ начал яростно кивать, глотая слёзы, которые струились по его лицу непрерывным потоком:

— Верю... верю тебе, конечно верю!

Его руки были разбиты в кровь, ладони окрасили стекло в багровые разводы, через которые Ци Ханя становилось всё хуже видно.

— А-Хань, послушай меня! — задыхаясь, выкрикивал Фу Гэ. — Между нами больше нет долгов... Я отдал тебе всё, что должен был! Ты свободен, слышишь? Я уничтожил твою жизнь, я не могу допустить, чтобы ты погиб ради моего ребёнка... Отпусти меня самого... я пойду сам!

Но Ци Хань лишь с любовью улыбнулся, чуть согнул палец и легко провёл им по носу любимого человека:

— Забыл уже? У тебя свадьба 11 марта.

Он прекрасно помнил этот эскиз из альбома Фу Гэ: рисунок свадебного зала, обручальные кольца и тщательно подписанную счастливым почерком дату — 11 марта. Совсем не похожий на тот кошмар, который он сам устроил. Маленький бета был по-настоящему счастлив только тогда, когда рисовал эту мечту.

— У тебя будет самая красивая свадьба, и рядом будет смелый и милый ребёнок по имени А-Цзюэ, правда ведь? — Ци Хань медленно улыбнулся, чувствуя, как горячие слёзы незаметно скатываются по щекам. — Ты встретишь человека, который никогда не причинит тебе боли и не будет таким подонком, как я. Вы будете счастливы вместе... втроём.

— Гора исполнила моё желание, и теперь ты, мой маленький Гэ, наконец-то сможешь начать жить заново.

— Не плачь. Мистер Медведь в последний раз проводит тебя в путь. Даже если придётся

умереть, я всё равно защищу вас.

Даже если его никто не встретит после этой битвы, он будет сражаться до конца. Как волк-вожак, стоящий перед своей семьёй на заснеженной равнине, он готов залить собственной кровью последний путь для Фу Гэ.

Позади раздались громкие удары и грохот, машина содрогалась от ударов, а затем послышались выстрелы — Фу Гэ пытался разбить пуленепробиваемое стекло, но всё было тщетно. Его отчаянные крики, полные боли и отчаяния, разрывали ночь на части и пронзали сердце Ци Ханя насквозь. Его любимый, его единственный человек сходил с ума от горя.

Он отчаянно выкрикивал его имя, умолял, матерился так, как никогда в жизни, лишь бы остановить его. Но альфа не оборачивался и не замедлял шагов ни на секунду.

И вдруг, когда Ци Хань уже почти свернул за угол, позади раздался оглушительный треск и звон разбитого стекла. Альфа резко застыл на месте, словно пригвождённый, медленно обернулся и увидел, как Фу Гэ медленно, сантиметр за сантиметром, выбирается из разбитого окна машины.

Его лицо было залито кровью, а на смертельно бледной коже виднелись глубокие порезы от стекла. Правая рука была рассечена от локтя до запястья, но он смотрел прямо в глаза Ци Ханя, и в его взгляде не было ничего, кроме леденящей ярости и безжалостной решимости.

Он казался демоном, выбравшимся наружу из самого ада, и сейчас неотрывно смотрел прямо в глаза альфы.

Ци Хань застыл на месте, дыхание перехватило. Он вдруг подумал: «Оказывается, моя жизнь и смерть всё ещё так много значат для него...»

Фу Гэ, выползая через разбитое окно машины, упал на землю лицом вперёд, и пальцы его судорожно вцепились в траву. С нечеловеческим усилием он подтянул своё израненное тело и поднялся на ноги. Первым же движением Фу Гэ вскинул пистолет, приставив его себе к виску, и холодно, почти безумно заявил:

— Сделаешь ещё хоть шаг — я умру прямо у тебя на глазах.

— Фу Гэ...

— Замолчи! — резко перебил его маленький бета, с трудом удерживая равновесие и шатаясь от слабости. Он сделал неверный шаг вперёд, и несмотря на жёсткость и ненависть, звучавшие в его голосе, по щекам безостановочно текли слёзы.

Дрожащими губами он быстро, отчаянно продолжил говорить:

— А-Цзюэ не сын от другой женщины... Когда я был за границей, я участвовал в добровольной сдаче спермы. Моё семя выбрала девушка-иностранка, и так появился А-Цзюэ. Но через несколько лет она заболела раком, и перед смертью нашла меня. Только тогда я и узнал, что у меня вообще есть ребёнок...

Фу Гэ замолчал на мгновение, пересохшие губы судорожно дрогнули. Голос его стал хриплым и тихим, почти шёпотом:

— А-Цзюэ — это подарок, который небо послало нашей семье.

Ци Хань почувствовал, как сердце пропустило удар. Медленно повернув голову, он неуверенно переспросил:

— Что ты сказал?.. Нашей семье?

Фу Гэ закрыл глаза и вдруг коротко, почти отчаянно засмеялся, его хрупкие плечи беззащитно задрожали в ночной темноте.

— Ты думал, что я дал ему имя, означающее «разлука»? Ты думал, я действительно хочу навсегда порвать с тобой? Да, я хотел этого! Я хотел ненавидеть тебя до конца жизни! Я мечтал отправить тебя в ад! Я так сильно хотел твоей смерти, что сходил с ума от этого желания... Но я не могу... не могу, мать твою, не получается!

Раздался звонкий удар — пистолет с грохотом полетел на землю. Фу Гэ бросился вперёд и с яростным отчаянием врезал кулаком прямо в лицо Ци Ханя, хватая его за воротник. Но за всей этой агрессией скрывался лишь беспомощный, раздирающий душу плач.

— Ты уничтожил меня в тот момент, когда я любил тебя больше всего, но я даже забыть тебя не смог! Когда у меня срыв, я прихожу в себя только благодаря тебе; когда я схожу с ума от жары, я держусь только мыслями о тебе; когда анестезия перестаёт действовать, я выползаю с того света, потому что ты существуешь где-то рядом! Ты что, правда думал, что 11 марта я собираюсь жениться на ком-то другом?

Фу Гэ снова ударил его по лицу, срываясь на крик:

— Да пошёл ты к чёрту! Я приготовил эту дату для нас обоих! Это не свадьба, это похороны! Если нам нельзя жить вместе, значит, мы умрём вместе!

Словно больной, переживший внезапный прилив сил перед смертью, Фу Гэ выкрикнул последние слова и тут же обессиленно выпустил воротник Ци Ханя, сползая вниз и тяжело дыша.

Альфа впервые не успел его подхватить — он просто стоял, залитый кровью, пустым взглядом

уоставившись вперёд, не в силах уложить в голове всё то, что услышал. Мысли кружились, не собираясь в единую картину, пока в сознании наконец не осталась только одна, единственная, отчаянно зацепившаяся за него фраза:

— Значит... ты хочешь быть со мной даже после смерти?

— Да.

Фу Гэ, тяжело поднявшись на ноги, снова взял в руку пистолет и, схватив Ци Ханя за ногу, хрипло повторил:

— Здесь осталось три патрона. Мы уйдём отсюда вместе. Жизнь это будет или смерть — мне уже всё равно, лишь бы наша семья была вместе.

Щелчок взведённого курка раздался одновременно с тем, как Фу Гэ притянул Ци Ханя ближе и грубо, отчаянно поцеловал его в окровавленные губы, выдыхая последние слова сквозь соль слёз и вкус крови:

— Я прощаю тебя. Я прощаю тебе всё.

ПП: *Имя 傅捷涵 (Fù Jiéhán, Фу Дзюэхань) состоит из:

傅 (Jié) — означает “расставание”, “прощание”, “окончательный разрыв”.

涵 (Hán) — это имя Ци Ханя (齐涵, Qì Hán), его второй иероглиф.

Имя ребенка буквально можно прочитать как «прощание с Ханем».